

тому, что о своем новом государе знали близкие к автору правительственные и придворные круги, да в сущности был должен знать и он сам. Приходится думать, что он начал писать свою оду с одним и очень неожиданным представлением о наступающей новой полосе русской внешней политики, навеянном словами императорского манифеста, и лишь во время составления оды узнал о предстоящем ее изменении, — может быть, даже тогда, когда ода была целиком или хотя бы в основном уже закончена... Так, думается мне, надо понимать высказывания его оды Петру III по вопросам грядущей русской внешней политики.¹

Знал ли при этом М. В. Ломоносов о предстоящей новой войне — с Данией из-за Шлезвига? Вероятнее делать вывод, что он ещё не был осведомлен о замыслах Петра III воевать с нею в союзе с Пруссией. К сожалению, и строфа 23 с ее призывами к «Гольштинии» и «Цвейтину» не дает материала для решения этого вопроса, хотя в последнем обращении

«Ты к морю в празднестве стремишя,
Цветущий славою Цвейтин.
Хотя не силен ты водою;
Но радостью сравнись с Невною;
До Зунда шум твой распрости.
Соединенные Российским
Поставь по берегам Балтийским
Желаний верных Олтари», —

¹ Я бы не считал внешнюю политику Петра III столь нелепой и так противоречащей реальным интересам русского правительства, как ее, вообще говоря, очень склонны расценивать в нашей историографии. Дело в том, что переговоры с союзниками привели елизаветинское правительство к обязательству обменять выговоренную им в качестве компенсации России за участие в войне Пруссию на Курляндию у Польши. Но Петр рассчитывал приобрести Курляндию — правда, не в подданство, а «в протекцию» России — иным путем, а Пруссию, которой Россия по своим договорам с союзниками все равно никак не могла удержать, фактически обменять на Шлезвиг, занятие которого помимо не только согласия, но даже и содействия Пруссии, вообще говоря, было довольно затруднительно. Таким образом план Петра III в значительной мере, хотя и не сполна, обеспечивал русские интересы в Курляндии, как их понимали при елизаветинском дворе, и, кроме того, обещал значительные выгоды на Ютландском полуострове, где Россия к тому времени уже прочно стояла в его голштинских владениях.